

ISSN 1226-4490

*International
Journal of
Central
Asian Studies*

Volume 14 2010

Editor in Chief
Choi Han-Woo

The International Association of Central Asian Studies
Korea University of International Studies

A. N. Samojlovich's Visit to the Khanate of Khiva in 1908 and his Assessment of the Literary Environment¹

Aftandil Erkinov

Tashkent State Institute of Oriental Studies, Uzbekistan

Absract:

In 1908, the Turkologist A.N.Samojlovich (1880–1938) visited the royal palace of the Khivan ruler Muḥammad Raḥīm-khān II (1864–1910). During the reign of the Kongrat dynasty, the Khanate of Khiva (1804–1920) existed as an independent state. On 29 May 1873, it was conquered by the Russian Empire, and from that time on, it remained under its protectorate. During that period, it was ruled by Muḥammad Raḥīm-khān II. At that time, more than 30 poets were engaged in poetic creative work at the Khivan court, and most of them were court officials. One of these poets was Muḥammad Raḥīm-khān himself, who wrote verses. A.N.Samojlovich described the literary environment of the Khivan khanate in its general outline and critically evaluated the poetry of the literary circles, characterizing it as “pseudoclassical” and monotonous. He marks with disappointment the contemporary historical conditions which Central Asia experienced in the beginning of 20th century. One of the major factors of the traditional character of the Khivan literary environment was Muḥammad Raḥīm-khān’s political strategy. At that, the vassal position of the Khivan khanate regarding the Russian Empire played an important role. Without being independent in his political actions, especially in foreign policy, Muḥammad Raḥīm-khān focused his attention on internal policy through amplification of the level of culture at his royal court. In our view, however, he could not think and understand

¹ The present paper is written within the Project supported by Gerda Henkel Stiftung (Germany).

that such return to medieval cultural values was the result of the vassal position of the Khanate of Khiva after 1873.

Key words: A.N.Samojlovich, Muḥammad Raḥīm-khān II, chaghatay literature, court literature, Russian protectorate.

In 1908, the Turkologist A. N. Samojlovich (1880–1938) visited the royal palace of the Khivan ruler Muḥammad Raḥīm-khān II (1864–1910)².

During the reign of the Kongrat dynasty, the Khanate of Khiva (1804–1920) existed as an independent state. On 29 May 1873, it was conquered by the Russian Empire, and from that time on, it remained under its protectorate. During that period, it was ruled by Muḥammad Raḥīm-khān II (hereinafter - Muḥammad Raḥīm-khān).

This paper discusses A.N.Samoilovich's assessment of the literary environment of the Khivan court, and his amazement by the impression made on him by the royal court milieu created by Muḥammad Raḥīm-khān. In A.N.Samoilovich's opinion, a “monotonous” creative life that imitated the medieval classical epoch reigned in this intellectual environment. In our view, however, he could not think and understand that such return to medieval cultural values was the result of the vassal position of the Khanate of Khiva after 1873.

Until now, the history of the Khanate of Khiva in the Kongrat period has not been investigated in detail. As of today no less than thirty primary sources on the history of this dynasty are known. One of these is “Firdaws al-Iqbāl”, a historical work by the poets Mūnis (1778–1829)³ and Āgahī (1809–1874)⁴, which was published by Y.Bregel in a seminal edition of the original text along with its translation.⁵ The greater part of the sources

² Barthold W.-[Brill M.L.]. “Khīwa”. EI², Vol.V. P.24-25.

³ Hofman H.F. *Turkish Literature a bio-bibliographical survey*. Section III, part I, vol.4, Utrecht, 1969. P.199-205.

⁴ Ibid. P.48-52.

⁵ Shīr Muḥammad Mīrāb Mūnis and Muḥammad Riḍā Mīrāb Āgahī. *Firdaws al-iqbāl. History of Khwarazm*. Y.Bregel (ed.). Leiden-New York-Kopenhagen-Köln, 1988; *Firdaws al-iqbāl. History of Khorezm by Shīr Muhammad Mirab Munis and Muhammad Rīza Mirab Agahi*. Transl. from Chaghatay and Annotated by Y.Bregel. Leiden-Boston-Köln, 1999.

has not been sufficiently investigated yet. Y. Bregel published a number of articles on the history of Khiva at the end of the 19th – the beginning of the 20th centuries.⁶ Nevertheless, some works devoted to the history of the conquest of the Khanate of Khiva by the Russian Empire in 1873 appeared during the last years.⁷ The same is true regarding the studies concerning the court life of the khanate.⁸ At the same time, the court culture of the

⁶ Брегель Ю.Э. “Сочинение Баяни “Шаджара-йи Хваразмшахи как источник по истории туркмен”. In: *Краткие сообщения института народов Азии. XLIV. Литературоведение и изучение памятников*. Москва, 1961. P.125-157; Bregel Y. “The Tawārīkh-i Khārazmshāhiya by Thanā’ī: The Historiography of Khiva and the uzbek literary language”. In: *Aspects of Altaic Civilization II. Proceedings of the XVIII PIAC, Bloomington, June 29-July 5, 1975*. L.V.Clark. P.A.Draghi (eds.). Bloomington, 1978. P.17-32; Bregel Y. “Tribal Tradition and Dynastic History: The Early Rulers of the Qongrats According to Munis”. *Asian and African Studies*. 16/3 (1982). P.392-397.

⁷ Jo-Ann Gross. “Historical memory, cultural identity, and change: Mirza ‘Abd al-‘Azim Sami’s representation of the Russian conquest of Bukhara”. In: *Russia’s Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917*. Bloomington, 1997. P.203-226; Erkinov. A. *Praying For and Against the Tsar: Prayers and Sermons in Russian Dominated Khiva and Tsarist Turkestan*. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2004 (=ANOR 16); Erkinov A. “The Conquest of Khiva (1873) in the Eyes of a Poet (Shayda’i)”. In: *Looking at the Coloniser: Cross-Cultural Perceptions in Central Asia and the Caucasus, Bengal, and Related Areas*. B.Eschment, H.Harder (eds.). Würzburg: Ergon verlag, 2004. P.91-116; Sela R. “Invoking the Russian conquest of Khiva and the massacre of the Yomut Turkmens: the choices of a Central Asian historian”. *Asiatische Studien/Etudes Asiatiques*. LX/2. 2006. P.459-477.

⁸ Erkinov A. and Vahidov. Sh. Une source méconnue pour l’étude de la production de livres à la cour de Muhammad Rahim II (Khiva, fin XIXe. s). *Patrimoine manuscrit et vie intellectuelle de l’Asie centrale islamique*, [Cahiers d’Asie Centrale 7], A. Muminov, F. Richard and M. Szuppe (eds.), IFEAC- Édisud, Tachkent-Aix-en-Provence, 1999. P.175-193 (<http://asiacentrale.revues.org/index576.html>); Sela R. “A Different Reassessment of Amir Timur’s Legacy in Central Asia”. In: *Ölümünün 600. yılında Emir Timur ve Mirasi Uluslararası Sempozyumu. International Symposium on Amir Timur and his heritage in the 600. death anniversary*. 26-27 mayis 2005. Bildiriler/Papers. A.Kara, Ö.Isbilar (eds.). Istanbul, 2007. P.23-30; Erkinov A. “Timurid mannerism in the literary context of Khiva under Muhammad Rahim-khan II (Based on the anthology Majmu‘a-yi shu‘ara-yi Firūz-shahi)/Тимуридский маньеризм в литературной среде Хивы при Мухаммад Рахим-хане II (на примере антологии “Маджму‘а-йи шу‘ара-йи Фируз-шахи)”. *Bulletin of IICAS. Volume 8, / Вестник МИЦАИ*. Выпуск 8, 2008. P.58-65; Ташев Н. “Занимал ли Мухаммад-Йусуф Байани должность диван-беги?”. *O‘zbekiston tarixi*. № 2, 2009.P.14-25; Эркинов А., Полвонов Н., Аминов Х. *Мухаммад Раҳимхон II – Феруз кутубхонаси феҳристи*. Тошкент: Янги аср авлоди, 2010.

Muslim East was becoming more and more an object of research as an independent phenomenon.⁹

Before moving on to a direct discussion of our theme, we shall spare a few words on the khanate that is the object of our research: The territory of the Khanate of Khiva was located between 40° and 43 ¾° of the northern latitude and 57° and 62° eastern longitude by Greenwich - on the left coast of the lower reaches of the Amu Darya river and its borders varied greatly throughout its existence, especially up to the middle of the 20th century. At first, the territory of the khanate was located in the territory of the Khwarazm oasis. Half a century later its borders expanded in the south to Iran and Merv, in the north to the Ural River, in the east up to the Bukhara Emirate, in the west to the coast of the Caspian Sea. The Khanate of Khiva was annexed by the Russian Empire in 1873. After that it was under the protectorate of Russia, being territorially a small state covering an area of 62,2372 sq.km. The various data about the population of khanate is indicated by different authors. In the khanate lived, on average, about 1,000,000 persons. The majority of the population was made up of Uzbeks, Turkmens, Kazakhs, and Karakalpaks; there were a small number of Persians, Arabs and Russians.¹⁰ The main center of the Khanate of Khiva – the city of Khiva and its vicinities – was situated in the territory of the modern Khwarazm oblast of the Republic of Uzbekistan.

A.N.Samojlovich is a renowned scholar, a member of the Soviet Academy of Sciences (1929), and an author of numerous research works in the field of Turkic philology, in particular, Chagatay literature.¹¹ When

⁹ *Court Cultures in the Muslim World: 7th-19th Centuries*. A.Fuess, J.-P.Hartung (eds.). London: Routledge, 2010

¹⁰ Полвонов Н. «Перепись населения 1910 года в Хивинском ханстве (во главе В.Лобачевским)» (<http://www.ia-centr.ru/expert/7290/>).

¹¹ Aleksandr Nikolaevich Samojlovich (1880–1938) – orientalist-Turkologist, one of the great Russian Turkologists of the first half of the 20th century. Rector of Leningrad Institute of Oriental Studies (1922–1925), Academician-Secretary of the Department of Humanities AS SSSR (1929–1933), Director of the Institute of Orientalism AS SSSR (1934–1937). Early in October 1937, he was arrested on a fabricated accusation charged accusation in espionage activities in favor of Japan and forming a «terrorist organization», and in February 1938 he was shot dead. A.Samojlovich graduated from Petersburg University (1903); Professor of that University (1917–1930). In 1920–1937 Professor (1922–1925 Rector) of Leningrad Institute of Oriental Studies, in 1929–1933

as a young scientist he arrived in Khiva, he enthusiastically started gathering multifarious and valuable literary and ethnographic materials, on the basis of which he published his works in the following years.¹² Based on the publications, it became possible, for instance, for me to restore a national song “Khvārazm-nāma”, which deals the conquest of Khiva in 1873 by the Russian Empire.¹³

Through the course of his observations, A.N.Samojlovich described the literary environment of the Khivan khanate in its general outline and critically evaluated the poetry of the literary circles, characterizing it as

Academician-Secretary of the Department of Humanities AS SSSR, in 1934–1937 Director of the Institute of Orientalism AS SSSR (Ашнин Ф.Д. “Александр Николаевич Самойлович (1880–1938)”. In: *Тюркологический сборник*. 1974. Москва, 1978; Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М., Насилов Д.М. *Репрессированная тюркология*. Москва, 2002. P.7-20).

¹² Самойлович А.Н. “Хивинский рассказ про Анна-Мрат Бобу”. In: *Живая старина*. Вып. 4. 1908; Самойлович А.Н. “Из хивинских сказаний о животных”. In: *Живая старина*. Вып.3. Санкт-Петербург, 1910; Самойлович А.Н. *Хивинская сатира на Казак-Киргизов*. Санкт-Петербург, 1910; Самойлович А.Н. *Шейбани-наме: Библиотеки Хивинского хана*. Санкт-Петербург, 1910; Самойлович А. “Хронограмма Ахмед-Табиба на смерть его светлости сейид Мухаммад Рахим бахадыр хана и на воцарение его высочества сейид Эсфендияр Мухаммед бахадыр хана”. In: *Восточный сборник. Издание общества русских ориенталистов*. Книга 1, Санкт-Петербург, 1913. P.165-182; Самойлович А.Н. “Хивинские тюги XIX века”. In: *Доклады Академии наук СССР*. 1927. P.43-46; Самойлович А.Н. “К истории литературного среднеазиатского-турецкого языка”. In: *Мир-Али-Шир. Сборник к пятидесятилетию со дня рождения*. Ленинград, 1928. С.1-23 and others (About A.N.Samojlovich see: “А.Н.Самойлович – исследователь тюркских памятников”. In: *Советская тюркология*. Баку, 1973, №5, С.58-65; Халлиева Г. “А.Н.Самойловичнинг нашр қилинмаган “Туркий этюдлар” асари”. In: *Марказий Осиё тарихи: манбаунослик ва тарихнавислик изланишлари. Илмий тўплам*. Тошкент, 2009. P.162-166; Самойлович А.Н. *Тюркское языкознание. Филология. Руника*. Москва: Восточная литература, 2005; *Александр Николаевич Самойлович. Научная переписка. Биография*. Составитель Г.Ф.Благова. Москва: Восточная литература, 2008.

¹³ Самойлович А.Н. “Два отрывка из “Хорезм-наме”. In: *Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического Общества*. Том XIX, Санкт-Петербург, 1909. P.78-83 (Erkinov A. “The Conquest of Khiva (1873) in the Eyes of a Poet (Shayda’i)”. In: *Looking at the Coloniser: Cross-Cultural Perceptions in Central Asia and the Caucasus, Bengal, and Related Areas*. B. Eschment, H.Harder (eds.). Würzburg: Ergon verlag. 2004. P. 91-116).

“pseudoclassical” and monotonous. He marks with disappointment the contemporary historical conditions which Central Asia experienced in the beginning of 20th century. According to his opinion, the Khivan court represented the Middle Ages, its values being outdated long since. A. N. Samojlovich openly expressed his opinion on this question:

“My sketchy characteristic of the compiler of the "Assembly" explains, I think, even only partially the above listed superficial shortcomings, obviously, the non good performed edition, and then points out the true value of those intimate secrets of Ahmed Tabib¹⁴ with which the مجمع is interspersed.¹⁵ In the negative attitude by Ahmed Tabibi and some other Khivinians, and, in general, by modern Central Asians towards the modern Central Asian-Turkish poetic literature which actually reproduces poetic compositions from the Golden Age of Chagatay literature in a servile, impersonal, and lifeless manner, I am inclined to see the promise of a new literary era coming in the near future even in conservative Central Asia – a new literary era, which has already come or is dawning in other Islamic-Turkish countries and areas. At that, it is possible to expect, that prosperity of the young poetry, vivid, and close to people in the language and content, will not depend any more on support and encouragement by certain high-ranked persons, because the people's glory and sympathy, rather than official career and court charity will inspire and cherish the devotees of new poetry”.¹⁶

However, he did not perceive that the traditionalism of the cultural and literary environment of the Khivan court, in many respects, was a product of the Russian Empire's policies in the Khanate of Khiva.

¹⁴ See: Ahmed Tabib - Aḥmad Ṭabībī (1868–1910).

¹⁵ “Assembly” – “Assembly of 30 imperial poets accompanying Firuz”. It mean a lithographic edition of the Madjmai si shuarā shāhi payravi Firuz.Khiva, 1324 [1906] (Fund of lithographies Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan named after Biruni (Tashkent)., № 27).

¹⁶ Самойлович А.Н. “شعرا شاهى پيرو فيروز” ۳۰ مجمع – Собрание 30 царских поэтов, сопутствующих Ферузу. Хива, 1909 г. 1638 стр. in folio”. In: *Записки восточного отделения императорского русского Археологического общества*. Том 19, 1909, P.0200.

This paper shall offer my view to the ideological, political and historical logic underlying the literary environment at Muḥammad Raḥīm-khān's court through the prism of A.N.Samojlovich's evaluation.

In Khiva, A.N.Samojlovich visited the palace library, and he partly described the cultural environment and the condition of it.¹⁷ He met the Khivan minister (*vazīr*) and poet Aḥmad Ṭabībī (1868-1910). At that time, more than 30 poets were engaged in poetic creative work at the Khivan court, and most of them were court officials. One of these poets was Muḥammad Raḥīm-khān himself, who wrote verses under the poetic pseudonym (*takhalluṣ*) Firuz and made his own collection of poetry (*divān*).¹⁸

After the completion of his visit to Khiva, A.N.Samojlovich published a critical review under the title "Assembly of 30 imperial poets accompanying Firuz".¹⁹ Here, he assesses and describes the gist and essentials of the anthology (*bayaz*) lithographic edition "Majma'-i sī shu 'arā shāhī payrav-i Fīrūz" ("Assembly of 30 imperial poets accompanying Firuz").²⁰ After the publication the lithograph, was copied as a hand-written variant.²¹ This anthology (*bayaz*) was made in the

¹⁷ Самойлович А.Н. "Краткий отчет о поездке в Ташкент и Бухару и в Хивинское ханства в 1908 году". *Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях*. №9. Санкт-Петербург, 1909. P.1-15 (отдельный оттиск); Самойлович А.Н. "Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе II. Хивинские придворные книгохранилища и книгопечатня". *Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук*. 1981, №1. P.74-82.

¹⁸ Hofman H.F. *Turkish Literature a bio-bibliographical survey*. Section III, part I. Vol. 3. Utrecht, 1969. P.54-63; Vol.6. P.27-32; Eckmann J. "Die tschaghataische Literatur". In: *Philologiae Turcicae Fundamenta*. Vol.II. Wiesbaden, 1964. P.390-391; Мухаммад Раҳимхон Феруз. *Элга шоху ишққа қул. Девон*. Нашрга тайёрловчи Г.М.Исмоилова. Тошкент, 1994.

¹⁹ Самойлович А.Н. "مجمع ۳۰ شعرا شاهی پیرو فیروز" – Собрание ...". P.0198-0209.

²⁰ Majma'-i sī shu 'arā shāhī payrav-i Fīrūz. Khiva, 1324 [1906] (Fund of lithographies of Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan named after Biruni (Tashkent), № 27).

²¹ The manuscript given product it is extended under other name: Majmū'a-yi shu 'arā-yi Fīrūz-shāhī. Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan named after Biruni (Tashkent), Fund-I. №1152 (copied 3 Safar 1326 / 8 March 1908, copyist – Muḥammad Ya'qūb Dīvān Kharrāt ibn Usta Qurbān-niyāz Khwārazmī

Khivan khanate, at Muḥammad Raḥīm-khān's court in Muharram 1324/February-March 1906, by the same poet Aḥmad Ṭabībī. The collection included the verses of over 30 poets.²² Those verses were written in the style of imitation (*payrav*) to the poems of Muḥammad Raḥīm-khān. All the verses in the collection were written in Turki - Chagatay language. In his review, Samojlovich describes the structure of the anthology and gives some information on the poets and literary environment of the Khivan court.

Poetic activity was meant not only to enhance the court culture of the Khivan court, but was also intended for the aggrandizement of Muḥammad Raḥīm-khān. The composition of the “Majmū‘a-yi shu‘arā-yi Fīrūz-shāhī” can serve as a vivid example: Muḥammad Raḥīm-khān wrote 101 *ghazals* and ordered his court poets to create poetic answers - imitations of them. During the process of imitation they should completely observe the poetic style of each poem of the ruler, keep the rhyme and the meter of a source *ghazal* by the poet and ruler Fīrūz - Muḥammad Raḥīm-khān.²³

The poets-imitators were relatives, princes, or statesmen of the Khivan court or confidants of Muhammad Rakhim-khan. While writing imitation verses, they should entirely observe the poetic style of each line and rhyme of their ruler, keeping the rhyme and meter of the base *ghazal* of the poet and ruler Fīrūz.

(Собрание восточных рукописей. В 11 томах. Том II, Ташкент, 1954, №1691). (“Turcs”. Eİ², Vol.X. P.728-782; Ўзбек адабиёти тарихи. V жилдлик. IV жилд, Тошкент, 1978. P.22). Unfortunately this Collection was sharply criticized in the Soviet period as a product of court culture, and had not been sufficiently studied. The recent research works absolutely ignore the historical context, or, more exactly, the historical paradigms of the present work (See: Маткаримова С. Табибий – тазкиранавис (“Мажмуаи си шуарои пайрави Ферузшоҳий” асосида). Филология фанлари номзоди илмий даражасини олиш учун ёзилган диссертация автореферати. Тошкент, 2007).

²² See: particular information on those thirty poets and on Firuz: Hofman H.F. *Turkish Literature a bio-bibliographical survey*. Section III, part I. Vol.3. Utrecht, 1969. P.54-63, 11-12, 26-28, 110-117, 131, 150, 226, 238; Vol.4. P.7-8, 224, 260, 278-280; Vol. 5. P.135-136, 193-194, 237; Vol.6. P.55-56, 147-148.

²³ Ўзбек адабиёти тарихи. V жилдлик. IV жилд, Тошкент, 1978. P.21-22.

Samojlovich met with Aḥmad Ṭabībī. During the meeting with Samojlovich, the latter indicated that court poets were imitators and liked to imitate above all the verses of the Turkic classic ‘Alī Shīr Navā’ī (1441-1501). Yet, he emphasized that none of them had the talent of Navā’ī. Here are Samojlovich’s descriptions of Aḥmad Ṭabībī:

“...This Khivan, with whom I had not one pleasant meeting in the capital of the Khivan khanate during the spring of 1908, is over 30 years of age and is a rather interesting person ... The poet refrained, according to his words, from mastering the full course of Muslim sciences in the madrasah, because of his freethinking views toward them; he tasted some relish of the European knowledge, which will penetrate into Khiva, in addition to the direct dialogue of the Khivans with Russians and Germans, colonists, Tatars, as well as through the Tatar and Ottoman books, magazines and newspapers of a new direction. Aḥmad – Ṭabīb is cured by a Muslim method, to be improved in which he had the opportunity in Mashhad, where he went on behalf of his ruler to obtain pharmaceutical potions, but secretly, apparently, the Khivan physician “Surgeon in Ordinary to the King” chuckles at his science. The same was, as far as I noticed, the attitude of the editor of "Assembly" and to the native Central Asian literature in its present kind, living indefinitely long and invariable monotonous century; and in the field of literature this is not the unique representative of a young Khiva undoubtedly tends, though only Platonically so far, to the newest works, translated and original, Ottoman, Turkish-Kazan. I fixed in mind a boring-and- scornful look of the poet, when he characterized to me his fellows-in-pen, “for all of them Mir-Ali-Shir Navai²⁴ serves the pattern, but none of them, certainly, has his talents!”²⁵

So, he criticized the monotony in the poetry of his environment though he himself was the author of five voluminous collections of poetry (*divān*),

²⁴ Mir-Ali-Shir Navai = ‘Alī Shīr Navā’ī.

²⁵ Самойлович А.Н. “شعرا شاهى پيرو فيروز” ۳۰ مجمع – Собрание ...”. Р.0198.

in which his own verses are presented, written in the traditional style, with all the trimmings of eastern poetry.²⁶

In 1910, after Muḥammad Raḥīm-khān's death, his son Isfandiyar/Asfandiyar khan had (1910–1918) ascended the Khivan throne. Right after that, large-scale reforms were implemented in the khanate. This implies that Muḥammad Raḥīm-khān's environment was traditional and, to a certain extent, conservative. Why? He was at the helm of state for 46 years. Under his rule, art, culture, and literature prospered. More than one thousand manuscripts were hand-copied and over a hundred works were translated into Chagatay under his order. The Khivan palace library totaled several thousand titles of books.²⁷ Tens of intellectuals that included poets, calligraphers, translators, historians, and others were engaged in creative work at court.

Why did his son have to carry out new reforms despite the fact that Muḥammad Raḥīm-khān did so much for the development of culture? Though A.N.Samojlovich wrote in 1908 that the epoch of innovations had come to Central Asia, until that time, that is, prior to the beginning of 20th century, the Khivan environment remained traditional in essence.

Another important example; in the 1890's, one of the outstanding poets of the Khivan court, Kāmil Khwārazmī (1825–1899), wrote an ode (*qaṣīda*) devoted to Tashkent, the center of the Turkestan General-Governorship (1876–1917).²⁸ The city was formed in the territory of the former Kokand khanate (1710–1876) and it is natural that the European style of urban culture was displayed in it. Being a confidant courtier of Muḥammad Raḥīm-khān, Kāmil Khwārazmī could not

²⁶ See the publication of Aḥmad Ṭabībī's poetic products: Tabibi. Divan. Khiva, 1909; Tabibi. Divan. Khiva, 1910; Ғанихўжаев Ф. Табибий (ҳаёти ва ижоди). Тошкент, 1978.

²⁷ Erkinov A. and Vahidov. Sh. "Une source méconnue pour l'étude de la production de livres à la cour de Muhammad Rahim II (Khiva, fin XIXe. s)". *Patrimoine manuscrit et vie intellectuelle de l'Asie centrale islamique*, [Cahiers d'Asie Centrale 7], A. Muminov, F. Richard and M. Szuppe (eds.), IFEAC- Édisud, Tachkent-Aix-en-Provence, 1999. P.175-193.

²⁸ Эркинов А. "Анъанавий ва модерн мухитлар қиёси: Комил Хоразмийнинг Тошкентга бағишланган қасидаси". In: *Ўзбекистон пойтахти 2200 ёшида: Тошкент шаҳрининг 2200 йиллик юбилейига бағишланган халқаро конференция материаллари*. Тошкент: Фан, 2009. P.315-319.

criticize the Khivan environment openly. He applied a delicate eastern technique: As he eulogized Tashkent and its infrastructure as a city, he, as a matter of fact, opposed it to Khiva (though there is no word about Khiva in the poem). In comparison with Tashkent, which became part of the Russian Empire in 1865, Khiva, naturally, remained a medieval city. Kāmil Khwārazmī had visited Russia before the creation of this poem; after that some of his views had changed. It is known, that Muḥammad Raḥīm-khān visited Russia too.

In 1902 Vasily Jan (1874–1954), a Russian-speaking Soviet writer that was to become famous as the author of historical novels in the following years, visited Khiva.²⁹ In 1901–1904, V.G.Jan served as an inspector of wells in Turkestan, where he studied oriental languages and life of the local population. In his book “Blue vast areas of Asia: the Notes of a horseman” he described his visit to Khiva in 1902, and his meeting with Muḥammad Raḥīm-khān. About the city of Khiva he wrote as follows,

“By the time of my arrival it was a small, dirty and dusty city with a labyrinth of narrow crooked streets consisting of walls alone, without windows and facing the waste grounds, markets, cemeteries, surrounded with crumbling ditches and collapsing clay walls with towers and gates. In the city, there were about ten thousand inhabitants, a dozen of khan’s palaces, fifty *masjid* and *madrasas*, several caravanserais and numerous market stalls, handicraftsmen’s shops, and trading warehouses. But it was in vain to search here for a school or hospital, book shop, theatre or a club. The Khivan khanate continued to live in accordance with its feudal laws and customs, only partly softened by Russian influence. The judges, *biyes*, *kazies*³⁰ and other representatives of feudal lords performed court judgments quickly and simply: all of lawsuits were solved according the

²⁹ V.G.Jan wrote over ten historical novels. For example, “Genghis Khan” (1939), “Batyj” (1942). For the novel “Genghis Khan” V.G.Jan was awarded the Stalin’s Prize (1942). The Stalin’s Prize was the form of rewarding the USSR citizens for distinguished merits and achievements in the field of science and engineering, military science, literature and art, radical innovations and improvement of the methods of industry in 1940–1953. In 1966 it was eligible to the newly established the USSR State Prize.

³⁰ *biyes*, *kazies* – *bī* and *qāḍī*.

Genghis Khan's "Yasa"³¹, though the great conqueror had been resting in peace in his tomb for six centuries. Before the arrival of the Russians, punishments remained in Genghis Khan's taste: from stick-beating, cutting off of an ear, a finger, a palm, a hand and up to beheading. Now they met the ones established in Russia..."³²

This example shows that Khiva in that time had been living under medieval laws. Though during the meeting they communicated through a translator, V.G.Jan asserts that Muḥammad Raḥīm-khān knew Russian a little. The ruler accorded him a good welcome (he impersonated himself for the journalist). V.G.Jan presented his impressions about the successor of the Khivan throne, Muḥammad Raḥīm-khān (1910–1918), as follows:

"Isfandiyār, a pale young man in a silken eastern dressing gown, freely spoke Russian, told about his visit to Petersburg, and about life in it. He was interested in relations between Russia and Afghanistan and asked "whether it was true that on the Afghani border we had constant skirmishes with Afghans who were supported by Englishmen?..". Isfandiyār studied in Russia and complained that after Petersburg he did not like local Khivan dwellings, and said that he "intended to turn to enlightenment", to build for himself "a Russian house with stoves and windows". Subsequently, in point of fact, "the Russian house" was built in the palace yard, where the successor moved, when he became a khan, but Isfadiyar's love for enlightenment went no further than this act".³³

Though very general, V.G.Yan's opinions about the situation in Khiva are interesting to us. He noticed that Isfandiyār /Asfandiyār-khān did not always agree with the traditional way of life surrounding him. As he studied in Russia, accordingly, he acquired more educated views than his father had. There were yet eight more years before Asfandiyār-khān would ascend to the Khivan throne. At the meeting, V.G.Yan did not evaluate the court environment. He had not been there for a long time.

³¹ *Yasa* is the Code of Laws established in the 13th century by Genghis Khan (1155/1162–1227).

³² В.Г. Ян. *Голубые дали Азии*

(http://www.erlib.com/Василий_Ян/Голубые_дали_Азии/4/).

³³ Ibid.

Despite that, his descriptions of the Khivan environment are interesting for us. His traditional character, tending to old, and reluctance to advance with the time. During V.G.Yan's visit to Khiva in 1902, Muḥammad Raḥīm-khān had already carried out a considerable part of those cultural plans about which we spoke above. And V.G.Yan had other intentions from that visit. For example, after the meeting with Muḥammad Raḥīm-khān and his son, he wanted to visit the khan's prison. After seeing the condition of the prisoners, he even refused a party with music and dances, which was to be arranged in honor of his arrival under the order of Muḥammad Raḥīm-khān.

In our opinion, A.N.Samojlovich did not understand, or rather, he did not pay attention to one peculiar feature of Muḥammad Raḥīm-khān's epoch: in positive and negative results of Muḥammad Raḥīm-khān's activity in most cases the Russian Empire is considered the "accused". Admittedly, it is thanks to the Russian Empire and its conquest of the Khanate of Khiva and the Khanate's subsequent transformation into a vassal state, that Muhammad Rakhim-khan became one of the most outstanding rulers of Central Asia. He is credited for raising the Khivan court culture to the high level.

In 1873, the Khanate of Khiva became the protectorate of the Russian Empire. At the court of Muhammad of Rakhim-khan there were constant political representatives of Russia. Only under their authority could the ruler accomplish something in the political sphere, and especially in foreign political activity. It meant that Muhammad Rakhim-khan literally had no freedom of action as a ruler, and in the first place, it made its negative effects on his lifestyle and spirits.

Historians and contemporaries of Muḥammad Raḥīm-khān unequivocally claimed that after 1873 he turned to a life in seclusion and did not know what to do and where to turn for consolation. In the given situation the above-mentioned Kāmil Kh^wārazmī (=Pahlavān-niyāz Mīrzā-bāshī), together with other courtiers suggested to Muḥammad Raḥīm-khān to arrange poetic and musical evening-parties:

“When Muḥammad Raḥīm-khān saw another surpassing him force in his territory, for some time he was under bad impression from that. He could not find in what to engage and recompose himself, and take comfort. However, people around him, especially the musicologist Pahlavān-niyāz Mīrzā-bāshī, having learned of the mood of his ruler, excited his interest in organization of assemblies”.³⁴

The poetic nature of Muḥammad Raḥīm-khān led him to organize poetic assemblies at his court. At those evening parties the levees read verses and arranged poetic competitions, listened to classical traditional music (*maqāms*) ... In the conditions of the protectorate, Muḥammad Raḥīm-khān could show paces only in internal matters, especially in cultural policy. And the above-stated collection of verses (“The Assembly of poets [from the environment] of the shah Fīrūz”) was in a broad sense Muḥammad Raḥīm-khān’s original protest to counterbalance his political state. His ambition found expression in the field of cultural development. During the evening parties organized by Muḥammad Raḥīm-khān, many courtiers began to compose poems taking the example of their ruler. It was his internal policy to ‘display the power of Muḥammad Raḥīm-khān in the form of palace culture. The standard reference and model for such a policy in the Khivan court could only be the late Timurid epoch, which corresponded to the cultural Renaissance of the East.

This attitude witnessed in the Khivan court under Muḥammad Raḥīm-khān can be conditionally named as Timurid mannerism.³⁵

³⁴ Мулла Бекжон Раҳмон ўғли, Муҳаммад Юсуф Девонзода. *Хоразм мусиқий тарихчаси*. Тошкент: Ёзувчи, 1998. Р.12; Полвонов Н. *Хива хонлигидаги ҳаракатлар ва сиёсий партиялар тарихи (Хоразм мисолида 1900-1924 йиллар)*. Тарих фанлари номзоди диссертацияси. Тошкент, 2005. Р.41-42.

³⁵ In detail about this phenomenon at the Khivan court see.: Erkinov A. “Timurid mannerism in the literary context of Khiva under Muhammad Rahim-khan II (Based on the anthology Majmu‘a-yi shu‘ara-yi Firuz-shahi)/Тимуридский маньеризм в литературной среде Хивы при Мухаммад Рахим-хане II (на примере антологии “Маджму‘а-йи шу‘ара-йи Фируз-шахи)”. *Bulletin of ICAS*. Volume 8, / *Вестник МИЦАИ*. Выпуск 8, 2008. Р.58-65; Эркинов А. “Эпоха поздних Тимуридов как культурная модель в Хивинском ханстве при Мухаммад Рахим-хане II (1864–1910)”. In: *XXV Международная конференция источниковедение и историография стран Азии и Африки: “Востоковедение и Африканистика в диалоге цивилизаций”*. 22-24 апреля 2009. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 2009. Р.349-350.

Timurid mannerism is the interest in and imitation of the person of Amir Timur (1370–1405) and the Timurids (1370–1506), that is, a certain imitation of cultural models of that epoch.³⁶ In Muḥammad Raḥīm-khān's attitude, we can also trace his latent desire "to recreate" the Timurid epoch, having proclaimed himself as their direct or spiritual successor. This aspiration can be also found in the "pretentious imitation" of key persons from the Timurid epoch, for example, Ḥusayn Bāyqarā (1469–1501)³⁷ and the court poet 'Alī Shīr Navā'ī. It is known that during Ḥusayn Bāyqarā's reign, culture, in particular, arts and letters reached their apogee. 'Alī Shīr Navā'ī created more than 30 works, the overall bulk of which makes approximately 20 modern volumes.³⁸ Nava'i wrote in the Chagatay language, and his poetry became the peak of Chagatay literature and served as a sample to the subsequent periods, not only for Chagatay poetry, but also for poetry of other Turkic-language peoples of the Muslim East. During the life span of Ḥusayn Bāyqarā there lived and worked such famous representatives of arts and letters as the classical author of Persian literature 'Abd al-Raḥmān Jāmī (1414–1492), the artist Kamāl al-Dīn Behzād (c.1450 – c.1535) among others. The period of Navai's creative work was considered the Golden Age of Chagatay literature.

Ottoman traveler Evliya Chelebi (1611–1682) shows his generation's veneration for the Timurid sultan Ḥusayn Bāyqarā in his "The Book of Travels" (*Seyahatname*.) In one instance, he groups Sultan Husain together with the legendary rulers Jamshīd and Iskandar as paradigms of virtue. He also talks about Ottoman music festivals called *Hüseyn Bayqara fasılları* and refers to special Ottoman gatherings, called *Hüseyn Baykara meclisleri* or *Hüseyn Baykara sohbetleri*³⁹, as the standard for

³⁶ About this phenomenon and its influence on the changes in the linguistic situation among the intellectuals is written in detail in my book published in English under the editorship of Director of Institut für Iranistik Prof. Bert Fragner: Erkinov A. *From persian poetic classicism to Timurid Mannerism: Chaghatay (Turkic)-Persian bilingualism in the intellectual circles of Central Asia (1475–1900)*. Vienne (in print).

³⁷ Gandjei T. "Sultan Husayn". EI². Vol.III. P.623.

³⁸ Алишер Навоий. *Мукаммал асарлар тўплами*. 20 томлик. Тошкент, 1987–2003.

³⁹ Evliya Çelebi. *Evliya Çelebi Seyahatnamesi*. O.Ş.Gökyay (ed.). Istanbul, 1996. P.100, 102, 105, 207, 306; Uluç L. *Turkman Governors Shiraz Artisans and Ottoman Collectors Sixteenth Century Shiraz Manuscripts*. Istanbul, 2007. P.503.

the cultural environment. Muḥammad Raḥīm-khān also wanted that his evening parties of music and poetry resembled similar assemblies of Ḥusayn Bāyqarā. For this purpose, he made great demands both on himself and on the participants of the above-mentioned evening gatherings.

Muḥammad Raḥīm-khān was a connoisseur of music. Probably, he was determined to make his evenings of poetry and music reminiscent of the assemblies of Ḥusayn Bāyqarā. The matter could not rest there and Muḥammad Raḥīm-khān even forced the court officials to write verses. In order to keep his post at the court, in case any one official was not skilful enough in writing verses he bought them from other poets. Then he brought them to his ruler maintaining that the verses were his. At these assemblies, if one of the musicians played wrong or performed out of tune he was subject to punishment – was given a flogging.⁴⁰

How can we explain his “active” measures in this line? The point is that he wanted to impersonate simultaneously both the Timurid ruler Ḥusayn Bāyqarā, and the poet ‘Alī Shīr Navā’ī. Accordingly, his environment would have to meet the requirements of the high quality which was the standard of Ḥusayn Bāyqarā’s cultural milieu.

In the post-Timurid period, the epoch of Ḥusayn Bāyqarā was considered as a cultural model for many other dynasties and cultural centers. From the end of the 15th century onwards, similar imitation practices appeared in many other regions – in Central Asia, Turkey and Iran.⁴¹ Even the first Shaybanids, the opponents of the Timurids, imitated

⁴⁰ The facts of his punishment of the courtiers, in order that they write verses, and musicians for playing wrong are related in his memoirs by an eye-witness of those events, one of the poets from the Khivan court - Khadim (b.1878) (Бобожон Тарроҳ Азизов – Ходим. *Хоразм навозандалари*. Тошкент, 1994. P.15-16).

⁴¹ Lockhart L. *Nadir Shah: A Critical Study Based Mainly upon Contemporary Sources*. London, 1938. P.233; Szuppe M. *Entre Timourides, Uzbeks et Safavides: questions d'histoire politique et sociale de Hérat dans la première moitié du XVIe siècle*. Paris, 1992; Szuppe M. “L’évolution de l’image de Timour et des Timourides dans l’historiographie safavide, XVIe-XVIIIe siècles”. *L’Héritage timouride. Iran – Asie centrale – Inde XVe-XVIIIe siècles* [Cahiers d’Asie Centrale 7], M. Szuppe (éd.). IFEAC - Édisud, Tachkent - Aix-en-Provence. 1997. P.313-331; Fleischer C. *Bureaucrat and Intellectual in the Ottoman Empire: The Historian Mustafa Ali (1541–1600)*. Princeton,

them in their own way, continuing their cultural traditions.⁴² After the Timurid Ḥusayn Bāyqarā's epoch 400 years had passed. Much had changed in the life of Central Asia by the end of the 19th century. However, Muḥammad Raḥīm-khān aspired to recreate and preserve medieval values in his court environment in order to demonstrate his cultural power. For this purpose he turned to the Golden Age of the Timurids and remained a traditionalist. As we have mentioned above, as a result of it, his palace environment developed in imitation of the period of the late Timurids. Despite that, the Khivan court culture only benefited from that. Formally, the cultural environment at Muḥammad Raḥīm-khān's court can be considered as a new variant of Ḥusayn Bāyqarā's epoch.

A.N.Samojlovich looked at the poetic creativity in the Khivan environment with concern and even with a little pity. He stated that it "obsequiously, impersonally, and lifelessly reconstructs poetic

1986. P.273-292; Imber C. "Ideals and Legitimation in Early Ottoman History". In: *Suleyman the Magnificent and His Age: The Ottoman Empire in the Early Modern World*. M.Kunt, C.Woodhead (eds.). London, 1995. P.138-153; Michael J. "Centralization and Timurid Creativity". *Oriente Moderno. Numero monografico la civiltà timuride come fenomeno internazionale*. Michele Bernardini (ed.). Vol.II (Letteratura-Arte). Nuova serie, Anno XV (LXXVI). 1996. P.533-550; Quinn Sh.A. "Notes on Timurid Legitimacy in Three Safavid Chronicles". *Iranien Studies. Historiography and Representation in Safavid and Afsharid Iran*. R.Matthee (ed.). Vol.31, No.2, Spring 1998. P.149-158; Quinn S.A. *Historical Writings During the Reign of Shah 'Abbas: Ideology, Imitation, and Legitimacy in Safavid Chronicles*. Salk Lake City, 2000. P.89, 99-102, 127-128; Bernardini M. Ottoman "Timuridism": Lami'i Çelebi and his Şehrengiz of Bursa. *Irano-Turkic Cultural Contacts in the 11th – 17th Centuries*. E.M. Jeremiás (ed.). Piliscsaba, [2002] 2003. P.1-16; Dale S.F. "The legacy of the Timurids". In: *India and Central Asia: Commerce and Culture, 1500–1800*. S.C.Levi (ed.). New Delhi, 2007. P.176-199; Tucker E.S. *Nadir Shah's Quest for Legitimacy in Post-Safavid Iran*. Florida, 2006. P.10-13, 38, 68-75, 78; Tucker E.S. "Seeking a World Empire: Nadir Shah in Timur's Path". *History and Historiography of Post-Mongol Central Asia and the Middle East. Studies in Honor of John Woods*. J.Pfeiffer, S.Quinn & E.Tucker (eds.). Wiesbaden, 2006. P.332-342.

⁴² Семенов А.А. "Культурный уровень первых Шейбанидов". *Советское востоковедение*. № 3, 1956. P.51-59; Subtelny M. E. "Art and politics in early 16th century Central Asia". *Central Asiatic Journal*. Vol. 27. № 1-2, 1983. P.121-148; Erkinov A. "The Poetry of the Nomads and Shaybani Rulers of Transition to a Settled Society". In: *Central Asia on Display: Proceedings of the VII. Conference of the European Society for Central Asian Studies (27-30 September, 2000)*. G.Rasuly-Paleczek, J. Katsching (eds). Vienna, 2005. P.145-150.

compositions of the Golden Age of Chagatay literature”.⁴³ This Golden Age of Chagatay literature was the epoch of creative work of ‘Ali Shir Nava’i. Actually, as we have mentioned above, political reasons lay at the root of this imitation of Nava’i’s epoch, something which A.N.Samojlovich never considered.

The same is true for the assessment of Chagatay literature by Martin Hartmann who visited Central Asia in the beginning of the 20th century. On the basis of M.Hartmann's expression, V.V.Bartold (1869–1930) writes the following in his article “Chagatay literature” in “The Encyclopedia of Islam”, “If in Bukhara Turkic literature was almost completely superseded by Persian, in Kokand and Khivan khanates Chagatay literature in the 19th century went through rather significant though overdue flourish⁴⁴. Probably, M.Hartmann and A.N.Samojlovich paid more attention to the aesthetic aspect of the Chagatay literary development. In fact, behind the notions of “overdue flourishing” (M.Hartmann) and “pseudoclassicism” (A.N.Samojlovich) stood Timurid mannerism, which took place at the Kokand court in the beginning of the 20th century, and at the Khivan court at the end of 19th - the beginning of 20th centuries.

Thus, one of the major factors of the traditional character of the Khivan literary environment was Muḥammad Raḥīm-khān’s political strategy, on the basis of Timurid mannerism. At that, the vassal position of the Khivan khanate regarding the Russian Empire played an important role. Without being independent in his political actions, especially in foreign policy, Muḥammad Raḥīm-khān focused his attention on internal policy through amplification of the level of culture at his royal court. For the given process the epoch of the late Timurids was chosen as a pattern. Proceeding from this position, the poetry of the Khivan court in the beginning of the 20th century, still continued the traditions of ‘Ali Shir

⁴³ Самойлович А.Н. “شعرا شاهى پيرو فيروز” ۳۰ مجمع – Собрание ...”. P.0200.

⁴⁴ Hartmann M. *Das Buchwesen in Turkestan und die türkischen Drucke der Sammlung Hartmann*. Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen. Jg. IV. Abt.2. Berlin, 1904. P.87,79; Бартольд В.В. “Чагатайская литература”. In: Бартольд В.В. *Сочинения*. Том V. Москва, 1968. P.609.

Nava'i's poetry – the traditions of the Middle Ages, the Golden Age of Chagatay literature.

Certainly, we are not going to idealize the epoch of Muḥammad Raḥīm-khān II. Our reasoning about significant development of the Khivan court under his rule concerns with cultural life. And we bypass other branches, for example, the economic conditions of people and so forth.

The system of transliteration of the Arabic letters accepted in the present work

Arabic letters	Latin letters
ا	ʾ
ا	a
آ	ā
ب	b
پ	p
ت	t
ث	th
ج	dj, j, ğ
چ	ch
ح	h
خ	kh
د	d
ذ	dh
ر	r
ز	z
ژ	j
س	s
ش	sh
ص	ṣ
ض	ḍ
ط	ṭ
ظ	ẓ
ع	ʿ
غ	gh
ف	f
ق	q
ك	k
گ	g

ل	l
م	m
ن	n
و	ū
و	o
و	v, w
ه	h
ی	i, ī

Bibliography:

- Barthold W.-[Brill M.L.]. “Khīwa”. EI², Vol.V. P.24-25.
- Bernardini M. Ottoman “Timuridism”: Lami’i Çelebi and his Şehrengiz of Bursa. *Irano-Turkic Cultural Contacts in the 11th – 17th Centuries*. E.M. Jeremiás (ed.). Piliscsaba, [2002] 2003. P.1-16.
- Bregel Y. “The Tawārīkh-i Khārazmshāhiya by Thanā’ī: The Historiography of Khiva and the uzbek literary language”. In: *Aspects of Altaic Civilization II. Proceedings of the XVIII PIAC, Bloomington, June 29-July 5, 1975*. L.V.Clark. P.A.Draghi (eds.). Bloomington, 1978. P.17-32.
- Bregel Y. “Tribal Tradition and Dynastic History: The Early Rulers of the Qongrats According to Munis”. *Asian and African Studies*. 16/3 (1982). P.392-397.
- Court Cultures in the Muslim World: 7th-19th Centuries*. A.Fuess, J.-P.Hartung (eds.). London: Routledge, 2010.
- Dale S.F. “The legacy of the Timurids”. In: *India and Central Asia: Commerce and Culture, 1500–1800*. S.C.Levi (ed.). New Delhi, 2007. P.176-199.
- Eckmann J. “Die tschaghataische Literatur”. In: *Philologiae Turcicae Fundamenta*. Vol.II. Wiesbaden, 1964. P.304-402.
- Erkinov A. “The Conquest of Khiva (1873) in the Eyes of a Poet (Shayda’i)”. In: *Looking at the Coloniser: Cross-Cultural Perceptions in Central Asia and the Caucasus, Bengal, and Related Areas*. B.Eschment, H.Harder (eds.). Würzburg: Ergon verlag. 2004. P.91-116.

- Erkinov A. "The Poetry of the Nomads and Shaybani Rulers of Transition to a Settled Society". In: *Central Asia on Display: Proceedings of the VII. Conference of the European Society for Central Asian Studies (27-30 September, 2000)*. G.Rasuly-Paleczek, J. Katsching (eds). Vienna, 2005. P.145-150.
- Erkinov A. "Timurid mannerism in the literary context of Khiva under Muhammad Rahim-khan II (Based on the anthology Majmu'a-yi shu'ara-yi Firūz-shahi)/Тимуридский маньеризм в литературной среде Хивы при Мухаммад Рахим-хане II (на примере антологии "Маджму'а-йи шу'ара-йи Фируз-шахи)". *Bulletin of IICAS*. Volume 8, / *Вестник МИЦАИ*. Выпуск 8, 2008. P.58-65.
- Erkinov A. and Vahidov. Sh. Une source méconnue pour l'étude de la production de livres à la cour de Muhammad Rahim II (Khiva, fin XIXe. s). *Patrimoine manuscrit et vie intellectuelle de l'Asie centrale islamique*, [Cahiers d'Asie Centrale 7], A. Muminov, F. Richard and M. Szuppe (eds.), IFEAC- Édisud, Tachkent-Aix-en-Provence, 1999. P.175-193 (<http://asiacentrale.revues.org/index576.html>).
- Erkinov. A. *Praying For and Against the Tsar: Prayers and Sermons in Russian Dominated Khiva and Tsarist Turkestan*. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2004 (=ANOR 16).
- Evliya Çelebi. *Evliya Çelebi Seyahatnamesi*. O.Ş.Gökyay (ed.). Istanbul, 1996.
- Firdaws al-iqbāl. History of Khorezm by Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi*. Transl. from Chaghatay and Annotated by Y.Bregel. Leiden-Boston- Köln, 1999.
- Fleischer C. *Bureaucrat and Intellectual in the Ottoman Empire: The Historian Mustafa Ali (1541–1600)*. Princeton, 1986.
- Gandjei T. "Sultan Husayn". EI². Vol.III. P.623.
- Hartmann M. *Das Buchwesen in Turkestan und die türkischen Drucke der Sammlung Hartmann*. Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen. Jg. IV. Abt.2. Berlin, 1904.
- Hofman H.F. *Turkish Literature a bio-bibliographical survey*. Section III, part I, vol.3-4, Utrecht, 1969.
- Imber C. "Ideals and Legitimation in Early Ottoman History". In: *Suleyman the Magnificent and His Age: The Ottoman Empire in the*

- Early Modern World*. M.Kunt, C.Woodhead (eds.). London, 1995. P.138-153.
- Jo-Ann Gross. "Historical memory, cultural identity, and change: Mirza 'Abd al-'Azim Sami's representation of the Russian conquest of Bukhara". In: *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917*. Bloomington, 1997. P.203-226.
- Lockhart L. *Nadir Shah: A Critical Study Based Mainly upon Contemporary Sources*. London, 1938.
- Madjmai si shuarā shāhi payravi Firuz.Khiva, 1324 [1906].
- Michael J. "Centralization and Timurid Creativity". *Oriente Moderno. Numero monografico la civiltà timuride come fenomeno internazionale*. Michele Bernardini (ed.). Vol.II (Letteratura-Arte). Nuova serie, Anno XV (LXXVI). 1996. P.533-550.
- Quinn S.A. *Historical Writings During the Reign of Shah 'Abbas: Ideology, Imitation, and Legitimacy in Safavid Chronicles*. Salk Lake City, 2000.
- Quinn Sh.A. "Notes on Timurid Legitimacy in Three Safavid Chronicles". *Iranien Studies. Historiography and Representation in Safavid and Afsharid Iran*. R.Matthee (ed.). Vol.31, No.2, Spring 1998. P.149-158.
- Sela R. "A Different Reassessment of Amir Timur's Legacy in Central Asia". In: *Ölümünün 600. yılında Emir Timur ve Mirasi Uluslararası Sempozyumu. International Symposium on Amir Timur and his heritage in the 600. death anniversary*. 26-27 mayis 2005. Bildiriler/Papers. A.Kara, Ö.Isbilir (eds.). Istanbul, 2007. P.23-30.
- Sela R. "Invoking the Russian conquest of Khiva and the massacre of the Yomut Turkmens: the choices of a Central Asian historian". *Asiatische Studien/Etudes Asiatiques*. LX/2. 2006. P.459-477.
- Shīr Muhammad Mīrāb Mūnis and Muhammad Ridā Mīrāb Āgahī. *Firdaws al-iqbāl. History of Khwarazm*. Y.Bregel (ed.). Leiden-New York-Kobenhaven-Köln, 1988.
- Subtelny M. E. "Art and politics in early 16th century Central Asia". *Central Asiatic Journal*. Vol. 27. № 1-2, 1983. P.121-148.
- Szuppe M. "L'évolution de l'image de Timour et des Timourides dans l'historiographie safavide, XVIe-XVIIIe siècles". *L'Héritage timouride. Iran – Asie centrale – Inde XVe-XVIIIe siècles* [Cahiers

- d'Asie Centrale 7], M. Szuppe (éd.). IFEAC - Édisud, Tachkent - Aix-en-Provence. 1997. P.313-331.
- Szuppe M. *Entre Timourides, Uzbeks et Safavides: questions d'histoire politique et sociale de Hérat dans la première moitié du XVIe siècle*. Paris, 1992.
- Tabibi. Divan. Khiva, 1909.
- Tabibi. Divan. Khiva, 1910.
- Tucker E.S. "Seeking a World Empire: Nadir Shah in Tīmūr's Path". *History and Historiography of Post-Mongol Central Asia and the Middle East. Studies in Honor of John Woods*. J.Pfeiffer, S.Quinn & E.Tucker (eds.). Wiesbaden, 2006. P.332-342.
- Tucker E.S. *Nadir Shah's Quest for Legitimacy in Post-Safavid Iran*. Florida, 2006.
- "Turcs". EI², Vol.X. P.728-782.
- Uluç L. *Turkman Governors Shiraz Artisans and Ottoman Collectors Sixteenth Century Shiraz Manuscripts*. Istanbul, 2007.
- А.Н.Самойлович — исследователь тюркских памятников". In: *Советская тюркология*. Баку, 1973, №5, С.58-65.
- Александр Николаевич Самойлович. Научная переписка. Биография. Составитель Г.Ф.Благова. Москва: Восточная литература, 2008.
- Алишер Навоий. *Мукаммал асарлар тўплами*. 20 томлик. Тошкент, 1987-2003.
- Ашнин Ф.Д. "Александр Николаевич Самойлович (1880–1938)". In: *Туркологический сборник*. 1974. Москва, 1978.
- Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М., Насилов Д.М. *Репрессированная тюркология*. Москва, 2002. P.7-20).
- Бартольд В.В. "Чагатайская литература". In: Бартольд В.В. *Сочинения*. Том V. Москва, 1968. P.609.
- Бобожон Тарроҳ Азизов – Ходим. *Хоразм навозандалари*. Тошкент, 1994.
- Брегель Ю.Э. "Сочинение Баяни "Шаджара-йи Хваразмшахи как источник по истории туркмен". In: *Краткие сообщения института народов Азии. XLIV. Литературоведение и изучение памятников*. Москва, 1961. P.125-157.
- Маткаримова С. Табибий — тазкиранавис ("Мажмуаи си шуарои пайрави Ферузшоҳий" асосида). Филология фанлари номзоди

- илмий даражасини олиш учун ёзилган диссертация автореферати. Тошкент, 2007.
- Мулла Бекжон Раҳмон ўғли, Муҳаммад Юсуф Девонзода. *Хоразм мушиқий тарихчаси*. Тошкент: Ёзувчи, 1998.
- Муҳаммад Раҳимхон Феруз. *Элга шоҳу шиққа қул. Девон*. Нашрга тайёрловчи Г.М.Исмоилова. Тошкент, 1994.
- Полвонов Н. *Хива хонлигидаги ҳаракатлар ва сиёсий партиялар тарихи (Хоразм мисолида 1900-1924 йиллар)*. Тарих фанлари номзоди диссертацияси. Тошкент, 2005.
- Полвонов Н. «Перепись населения 1910 года в Хивинском ханстве (во главе В.Лобачевским)» (<http://www.ia-centr.ru/expert/7290/>).
- Самойлович А.Н. “Краткий отчет о поездке в Ташкент и Бухару и в Хивинское ханства в 1908 году”. *Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях*. №9. Санкт-Петербург, 1909. Р.1-15 (отдельный оттиск).
- Самойлович А.Н. “Два отрывка из “Хорезм-наме”. In: *Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического Общества*. Том XIX, Санкт-Петербург, 1909. Р.78-83.
- Самойлович А.Н. “Из хивинских сказаний о животных”. In: *Живая старина*. Вып.3. Санкт-Петербург, 1910.
- Самойлович А.Н. “К истории литературного среднеазиатского-турецкого языка”. In: *Мир-Али-Шир. Сборник к пятидесятилетию со дня рождения*. Ленинград, 1928. С.1-23.
- Самойлович А.Н. “Хивинские туюги XIX века”. In: *Доклады Академии наук СССР*. 1927. Р.43-46.
- Самойлович А.Н. “Хивинский рассказ про Анна-Мрат Бобу”. In: *Живая старина*. Вып. 4. 1908.
- Самойлович А.Н. *Хивинская сатира на Казак-Киргизов*. Санкт-Петербург, 1910.
- Самойлович А.Н. *Шейбани-наме: Библиотеки Хивинского хана*. Санкт-Петербург, 1910.
- Самойлович А. “Хронограмма Ахмед-Табиба на смерть его светлости сейид Мухаммад Рахим бахадыр хана и на воцарение

- его высочества сейид Эсфендияр Мухаммед бахадыр хана”. In: *Восточный сборник. Издание общества русских ориенталистов*. Книга 1, Санкт-Петербург, 1913. P.165-182.
- Самойлович А.Н. “Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе II. Хивинские придворные книгохранилища и книгопечатня”. *Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук*. 1981, №1. P.74-82.
- Самойлович А.Н. “شعر شاهى پيرو فيروز – مجمع ۳۰ – Собрание 30 царских поэтов, сопутствующих Феруз`у. Хива, 1909 г. 1638 стр. in folio”. In: *Записки восточного отделения императорского русского Археологического общества*. Том 19, 1909, P. 0198-0209.
- Самойлович А.Н. *Тюркское языкознание. Филология. Руника*. Москва: Восточная литература, 2005.
- Семенов А.А. “Культурный уровень первых Шейбанидов”. *Советское востоковедение*. № 3, 1956. P.51-59.
- Собрание восточных рукописей. В 11 томах. Том II, Ташкент, 1954.
- Ташев Н. “Занимал ли Мухаммад-Йусуф Байани должность диван-беги?”. *O'zbekiston tarixi*. № 2, 2009. P.14-25.
- Ўзбек адабиёти тарихи*. V жилдлик. IV жилд, Тошкент, 1978.
- Халлиева Г. “А.Н.Самойловичнинг нашр қилинмаган “Туркий этюдлар” асари”. In: *Марказий Осиё тарихи: манбашунослик ва тарихнавислик изланишлари. Илмий тўплам*. Тошкент, 2009. P.162-166.
- Эркинов А. “Анъанавий ва модерн мухитлар қиёси: Комил Хоразмийнинг Тошкентга бағишланган қасидаси”. In: *Ўзбекистон пойтахти 2200 ёшда: Тошкент шаҳрининг 2200 йиллик юбилейига бағишланган халқаро конференция материаллари*. Тошкент: Фан, 2009. P.315-319.
- Эркинов А. “Эпоха поздних Тимуридов как культурная модель в Хивинском ханстве при Мухаммад Рахим-хане II (1864–1910)”. In: *XXV Международная конференция источниковедение и историография стран Азии и Африки: “Востоковедение и Африканистика в диалоге цивилизаций”*. 22-24 апреля 2009. *Тезисы докладов*. Санкт-Петербург, 2009. P.349-350.
- Эркинов А., Полвонов Н., Аминов Х. *Муҳаммад Раҳимхон II – Феруз кутубхонаси феҳристи*. Тошкент: Янги аср авлоди, 2010.

Ян В.Г. *Голубые дали Азии*

(http://www.erlib.com/Василий_Ян/Голубые_дали_Азии/4/).

Ғанихўжаев Ф. Табибий (ҳаёти ва ижоди). Тошкент, 1978.

Further I result A.N. Samojlovich's article on a source language (Russian) and the alphabet of the original (Cyrillics).

– مجمع ۳۰ شعراشاهی پیرو فیروز

Собрание 30 царских поэтов, сопутствующих

Фируз`у. Хива, 1909 г. 1638 стр. in folio

(Записки восточного отделения императорского русского
Археологического общества. Том 19, 1909, С.0198-0209)

А.Н.Самойлович

По примеру известного кокандского царственного поэта Омар-хана, увековечивавшего себя «Собранием поэтов», которое было составлено по поручению хана поэтами Фазли и Мешрефом⁴⁵ и которое я видел и в хивинской придворной библиотеке ныне царствующий, маститый хивинский хан Сейд-Мухаммед-Рахим Второй, именующий себя в стихах Фируз`ом⁴⁶, поручил своему придворному врачу и поэту Ахмед-Табибу составить собрание газалей современных хивинских поэтов, «сопутствующих» (پیرو) хану в его ста одной газали⁴⁷.

⁴⁵ У меня имеется ташкентское литографированное издание этого собрания, напечатанное в типографии В.М.Ильина, с цензурной памяткой 26 июня 1890 г. (504 стр. 8^о) См. еще M.Hartmann, Buchwesen in Turkestan, M.S.O.B., t.VII, отд. II, стр. 87 и след. - Преобладают *персидские* стихи.

⁴⁶ Диван Фируза (рукописный) имеется в Императорской Публичной Библиотеке, шкаф II, полка 6, номер 16. Там же, в сборной рукописи II–6–20 имеются отдельные стихотворения Фируза.

⁴⁷ См. мои: 1) Краткий отчет о поездке в Ташкент и Бухару и в Хивинское ханство, Известия Русского Комитета для изучения Ср. и Вост. Азии, №9, стр. 7 отд. оттиска; 2) Список рукописей и местных изданий, привезенных из Туркестана (К.Г.Залеман, Новые поступления в Азиатский Музей, Известия Императорской Академии Наук,

«Собрание» представляет из себя с внешней стороны громоздкое (819 ff. или 1638 страниц) издание in folio на довольно плохой русской бумаге. Издание не отличается опрятностью и аккуратностью, которых можно было бы ожидать от придворной литографии, существующей с начала 70-ых годов прошлого столетия и не преследующей коммерческих интересов⁴⁸. Отметим, прежде всего, что гладкая белая бумага в нашем экземпляре пять раз сменяется линованной (ff. 582-97, 705, 707-8, 710, 728-35), что f.231 выложен отдельно и имеет текст только на одной стороне, что ff.543 и 549 склеены из двух листов, на которых смежные стороны оказались без текста. Укажем далее, что издание не копировано, за исключением немногих страниц (IV, I^л=f. 9; ۳۳-۴۲=f. 17-23; дальше ошибочно ۴۱-۴۲=f. 24-26), а нумерация стихотворений в нескольких местах перепутана, почему последняя газаль помечена цифрой ۳۰۹۹ вместо ۳۱۱۰ (f. 818b.). Даже и исправления мною цифра газелей не является точной, так как целый ряд газелей не введен редактором издания в общий счет (о чем еще ниже). Порядок листов отмечен, как водится, повторением внизу каждого листа начальных слов следующего. Текст местами слеп и неразборчив.

Что на внешнюю сторону издания все-таки было обращено внимание, видно из того, что текст стихов помещен в правильно разлинованных клетках и рамках и местами украшен заставками, виньетками и каймами растительного характера. Растительный орнамент, обыкновенно посредственного качества, иногда – вовсе плохого и изредка – довольно изящного, имеется на заглавном листе, на первой и последней страницах предисловия и на тех страницах, на

1908, стр.1301-1302). – Я привез из Хивы неоконченное издание, а оконченное мною получено от начальника хивинской государственной канцелярии летом 1909 года.

⁴⁸ Первое известие о существовании литографии в Хиве принадлежит, насколько нам известно, Вамбери (W.Z.K.M. VI, стр.270, откуда П.М.Мелиоранский, Турецкие наречия и литературы, Энциклопед. Слов. Брокгауза и Ефрона, изд. 1-ое, т.34, стр.163). Что эта литография основана и содержится *ханом*, сообщено впервые, кажется, нами (Отчет о поездке 1908 г., стр. 7 отд. отт.) Издания ханской литографии, выходившие в ограниченном количестве, в продажу не поступают, а расходятся среди близких хану лиц. – В обещанной нами статье «Хивинские придворные книгохранилища и книгопечатня» (доклад, читанный в Вост. Отделении весной 1909 г.) мы еще вернемся к хивинским литографированным изданиям.

которых помещены газали хана (за некоторыми исключениями ff.13a, 20a, 240a); отдельные цветочки и листочки попадают случайно там и сям, а на верхних внутренних (обращенных к корешку) углах страниц выглядят изображения разных фигур, например, в виде цветов и листьев, кувшинов и чайников (см. ff. 410, 411, 413, 416, 426). Мой экземпляр переплетен в толстый картон с красным кожаным корешком и краями; с внешней стороны картон с красным обклеен зеленой бумагой и украшен тиснением по золотым ярлычкам, а с внутренней – обклеен белой бумагой, причем на левой крышке переплета эта бумага исписана судебными решениями с приложением печатей. Обрез сделан весьма неумело.

О возникновении и содержании «Собрания», написанного на несколько подновленном, но все-же обилующем архаизмами, классическом для Средней Азии языке – джагатайском, говорится в предисловии (دېياچە ff.1a-5a), которое составлено стихами размера (مقارب) и формы (مثنوى) редактором издания, Ахмед-Табибом. Этот хивинец, с которым я имел весной 1908 года не одну приятную встречу в столице хивинского ханства, имеет 30 с лишним лет от роду и является личностью довольно интересной. Ахмед-Табиб с виду не по летам моложав; лицо его лишено растительности и покрыто желтизной, свидетельствующий о привязанности поэта и врача к опиуму; голос – высокий, как у подростков. Поэт уклонился, по его рассказам, от усвоения полного курса мусульманских наук в медресе из-за свободомысленного на них взгляда; он вкусил некоторую толику европейских знаний, которые проникают в Хиву, помимо непосредственного общения хивинцев с русскими, немцами – колонистами, татарами, еще и через татарские и османские книги, журналы и газеты нового направления. Врачует Ахмед-Табиб по мусульманскому методу, усовершенствоваться в котором он имел случай в Мешхеде, куда ездил по поручению своего властелина за лекарственными снадобьями, но тайно, повидимому, хивинский лейб-медик над своей наукой посмеивается. Таково-же, насколько я заметил, отношение редактора «Собрания» и к родной среднеазиатской литературе в ее теперешнем, доживающем свой бесконечно долгий и неизменно однообразный век вид; и в области литературы этот не единственный представитель молодой Хивы

несомненно тяготеет, хотя пока только платонически, в сторону новейших произведений, переводных и оригинальных, османских, турецко-казанских. Твердо помню скучно-презрительное выражение лица поэта, когда он характеризовал мне своих по перу: «для всех их образцом служить Мир-Али-Шир Неваи, но никто из них, конечно, не обладает его талантами!»

Моя беглая характеристика редактора «Собрания» объясняет, думается мне, хотя бы только отчасти, перечисленные выше внешние недостатки, очевидно, нелюбовно исполненного издания, а затем указывает истинную цену тех сердечных признаний Ахмед-Табиба, которыми пересыпано مجمع.

В отрицательном отношении Ахмед-Табиба и некоторых других хивинцев и вообще среднеазиатцев современной среднеазиатцев к современной среднеазиатско-турецкой стихотворной литературе, действительно рабски, безлично, мертво воспроизводящей поэтические сочинения золотого века джагатайской литературы, я склонен видеть залог недалекого наступления и в консервативной Средней Азии новой литературной эры, которая уже наступила или зарождается в других мусульманско-турецких странах и областях. Можно ожидать при этом, что процветание молодой, живой, близкой народу по языку и содержанию поэзии уже не будет более зависеть от поддержки и поощрения отдельных высоких особ, так как всенародная слава и сочувствие, а не служебная карьера и придворный подачки будут воодушевлять и питать жрецов новой поэзии.

Если мы теперь обратимся к содержанию «Собрания», то с первых же слов предисловия встретимся с давно нам знакомыми, в средние века турками от персов заимствованными, мотивами, идеями и риторическими приемами.

که رزاق جمله خلاق ایرور
بولوب دور نیچه زینت ابله عیان
قیلیب ایلادی سوز دُر یغه صدف
دُر بی بها اور تاغه ساجیلور
بولور فیض اهل جهان ایچرا عام

ثنا اول خدایی غه لایق ایرور
آنینک صنعتی دین تمامی جهان
خصوصاً که انسان نی صاحب شرف
قاچان اول صدفغه آغیز آچیلور
خصوصاً اگر دیسه موزون کلام

1

5

Так начинается вступительное *مثنوی* Ахмед-Табиба, в котором, после восхваления Мухаммеда, Чар-Йар'ов и асхабов и после вторичного, более подробного описания важности дара слова, воспевается самым льстивым образом хивинский хан, затем сообщается о высочайшем поручении, данном поэту, составить собрание газелей поэтов, сочинивших стихи на одну рифму со стихами хана; редактору предписывается привести имена этих поэтов, их техаллусы и их характеристики и снабдить собрание собственными вставочными двустишиями.

18	که سوز قیمتی دین دیکوسی کلام	قیلینک سمع آنی دقت ایله تمام
20	که سوز دور بشر خیلی نینک زیوری	نی زیورکه بیر بی بها کوهری
	بر اوکیم دیماس خلق ایچرا سوزین	نیچوک قیلغای عالم دا مشهور اوزین
	اول آدم که صاحب تکلم ایرور	آنکا عزت ایلاب اولوس یر بیرور
	غرض سوز ایرور لطف پروردکار	اولوسدین داغی قالغوچی یادکار
	مونی فهم قیلغاچ شه کامکار	دیماک نی غزل ایلائی اختیار
25	قایو شه که سلطان عالی نسب	جهان اهلی امنی کا کیلکان سبب
	صداقت دا بو بکر غه هم مقرّ	عدالت دا نایب مناب عمر
	حیانی اویدا چو عثمان ایرور	معینی همه ایشدا قرآن ایرور
	شجاعت دا حیدر غه نایب مناب	قیلوردا جهاد امریکا ارتکاب
	شریعت غه رایج ایرور صبحشام	تیلاب علم غه رتبه عالی مدام
	شرافت لیغ عصری ارسال مه	بنا تاپتی کوب مسجد مدرسه
30	بو ایکی نیکولیغ غه اثبات ایرور	قیامتغه تیکرو عزیز آت ایرور
	نکین جلال اوزره دور مستقیم	شریف اسمی سلطان محمد رحیم
	(۳) مرادین تاپیب دایم اول نام ایله	قیلور عشرت بزم لار کام ایله
	سخاوت دا حاتم یوق همئا آنکا	آچیلدی کرم قاپوسی تا آنکا
34	خصوصاً که اهل علوم فنون	حقیدا ایرور بذلی حدین فزون
35	سوز اهلی تاپیب رتبه عصریدا	قیلور لار آنکا مدح برله دعا
	اوزی خود بسی نکته دان لیغ قیلور	غزل ایچرا معجز بیانلیغ قیلور
	قاچان سوز دین ایلاسه آشکار	سخندانلار اینکوسی جانین نثار
	شه عالی اقبال فیروز بخت	قویاش تاج نجم عسکر چرخ تخت
	چو بیلدیکه سوز یخشی آثار ایرور	آنینک زیده سی داغی أشعار ایرور
40	غزللار غزالی نی قیلدی شکار	سالیب فکر بازینی لیل نهار
	زمانیدا سوز اهلی افزون ایدی	فضیلت دا بارچه فلاطون ایدی
	همه دانش آگاه دریای علم	ایچیب صبح ایله شام صهبای علم
	بلی شاه نینک نی ایسه عادتی	آنکا خلق نینک بولغوسی رغبتی

ایشیتکاچ کلام شه کامکار
سوزی کوهرین قدر ایله قیمتین
غزل دیکالی خوب ایتیب وررشین
غزلدا آنکا بولدیلار هم ردیف

باری اهل فضل فطانت شعار
آنینک نظم ایچرا کوروب دقتین 45
بیلیب مغنتم تابع اولماق ایشین
آلار نینک اراسیدا بعضی ظریف

Далее в предисловия сообщается, что получив лестное поручение составить «Сборник», редактор обрадовался, но одновременно загоревал из-за сознания собственного бессилия; впрочем, против ханского приказа не пойдешь, и поэт обращается с молитвой к Богу, и здесь, как всюду, следуя плану старинных *مثنوی*. Затем начинается перечисление поэтов, представленных в «Собрании»; указываются имена, звания и техаллусы и льстиво восхваляются достоинства поэтов; только о себе самом редактор почитает приличным отозваться со скромностью.

که بو خیل ارا کیلیدی بیعلم فن
ولی قیلغوسی دور قناعت بسی
غلام ابا عن جد شاه ایرور
نی حدکیم بو مجمع غه قاتیلغامن
قیلیب توتسام عزت بیله حرمتین
بو مجموع غه قیلدی داخل منی
طیبیب اولدی نام مجدّد منکا

طیبیبی نیچوک دیکای اوزدین سخن 112
اگرچه ایرور بی بضاعت بسی
همیشه جبین سای درگاه ایرور
منکا قایدا یاراکه ایش قیلغامن
(۷) خوش اولدور منکا فضل ایلی خدمتین
ولی لطف سلطان عادل منی
کیلیب آت اولدا احمد منکا 118

Введение заканчивается молитвой за хана и выражением следующей надежды:

کراک قیلغای البته مونداغ رقم
دیکای اسرو تحسین ایله آفرین

بو مجموعه غه منشی خوش قلم 148
که کورکاچ آنی عاقل خورده بین

Кроме хана редактор называет поименно 29 поэтов, которые приняли участие в «Собрании» при его возникновении. Позднее в «Собрание» вступило еще 3 поэта.

«Сопутствие» поэтов хану выражается, по словам редактора, в том, что за каждой из 101 газали хана следует по одной газали всех остальных 29 поэтов, на общий с ханской газалью редиф. Собрание

должно было, таким образом, состоять из 3030 газалей, но благодаря участию еще 3 поэтов число газалей превысило цифру 3110; точную цифру газалей установить нелегко по той причине, что газали новых 3 поэтов вводятся в общий счет не сразу, а на некотором расстоянии имеют свою отдельную нумерацию, которую надо ещё проверить (مذنب до f. 698 a, ناظر до f. 693a, عنايت до f. 404a).

Среди поэтов имеются царевичи, государственные деятели и духовные лица разных рангов, включая студентов медресэ.

- 1) سلطانى Сейид-Насир, внук хана (پسر زاده شاه جم جاه ایرور)
- 2) صادق Рахман-кули-тура, внук хана.
- 3) سعدى Са'ду-л-Ла, внук (اختوق) хана.
- 4) غازى Сейид-Гази, племянник (اخوزاده) хана.
- 5) اسد Сейид-Асад, брат Сейид-Гази.
- 6) بيانى Мухаммед(Мет)-Юсуф-бега, хивинский министр (ديوانبكي) и капитан русской службы; знает русский язык, выписывает мусульманские и русские журналы и газеты.
- 7) عاقل Хасан-Мурад-бег.
- 8) ميرزا Мулла Мухаммед-Расуль, начальник хивинской государственной канцеляр (ميرزا باشى), сын покойного поэта Камуля (по хивинскому произношению کامل); первый в Хиве знаток теории поэзии и музыки, поэт, музыкант и каллаграф.
- 9) شناسى Шейх-Назар, брат Мет-Юсуф-бега, губернатор провинции Старого Ургенча, выдающийся администратор и большой любитель поэзии, в частности-Мир-Али-Шира-Неваи.
- 10) غلامى Деулет-Мурад, гулям, ханазад и мехрем хана.
- 11) پور کامل Абду-р-Расуль, брат Мухаммед-Расуля.
- 12) كمالي Редактор называет его постоянно دعاكوى سلطان (ff.488b, 531a).
- 13) اميدى Диван Мухаммед-Нияз.
- 14) داغى Юсуф-хаджи ахунд.
- 15) عاجز Худай-берген, муфтий-ахунд.
- 16) حقيرى Мулла Мухаммед-Шериф из духовного рода Махзум, ахунд.

- 17) خاکی Ибаду-л-Ла ахун
- 18) نیازى Мулла Мухаммед-Нияз, ахунд и диван.
- 19) يوسف Мулла Юсуф.
- 20) حبیب Хабибу-л-Ла.
- 21) طبیبی Ахмед-Табиб.
- 22) خیالی Мухаммед-Назар.
- 23) راغب Из Ургенча по происхождению Махзум (f.696b, 704b).
- 24) دیوانی Редактор несколько раз называет его рисовальщиком (f.665b, 681a, 774b).
- 25) مطرب خانه خراب Мухаммед-Хасан
- 26) شاعر تازه Молодой поэт عوض
- 27) ندیمی Студент медресе (f.93a, 100b).
- 28) خادم Студент-медресе.
- 29) چاکر Мухаммад-Юсуф.
- Поэты, не вошедшие в предисловие:
- 30) مذهب повидимому, студент медресе (см. f f. 706a, 715 b, 740b, 768a).
- 31) ناظر Мухаммед-Хусейн, везир и сборщик податей (f.812 b).
- 32) عنایت Придворный мунший (f.813 b).

На f.5a под венкообразным бордюром, в котором вписаны имена поэтов⁴⁹, имеется дата начала издания:

سنه ۱۳۶۴ لا نجی یلی (sic!) امر عالی لاری بيله مطلع و مزین بولدی محرم الحرام آیده

«В 1324 (1906) году по высочайшему повелению было начато и украшено, в месяц священного Мухаррема (февраль–март)».

Главная часть (f.5b) открывается مثنوی редактора, восхваляющим снова Бога и прославляющим хана. Коротенькие, в два или один стиха, مثنوی редактора, всегда написанный متقارب ом, помещаются

⁴⁹ В верхнем и нижнем ромбиках этого бордюра заключено по фразе, первая из которых сообщает о времени начала издания (месяц Мухаррам), а вторая, мало для меня разборчивая, дает имя иллюстратора, изображенное ранее в ромбиках бордюра заглавного листа; в первой строке второй фразы читаю عمل, в следующей- اتاجان в последней — خيوه.

пред каждой газалью; مثنوی пред газалью хана бывают крупнее. В этих двустихиях редактор восхваляет поэта, иногда при этом сообщая краткие о нем биографические данные (например, в каком хивинском городе он живет, к какому сословию принадлежит, или какой пост занимает). Газали расположены в алфавитном порядке по рифмам.

В первой, вступительной газали хан и его спутники по стихам обращаются в выражениях, переполненных условными мистическими терминами, с хвалой к Богу. И все последующие газали написаны в той изстари известной условной форме, при которой невозможно сказать, являются ли эти газали религиозно-мистическими или просто эротическими. Сопутствие поэтов хану выразится не только в повторении ханских рифм, но и ханских размеров и тем, что не отмечено в предисловии редактора. Размеры кантитативные, арабско-персидские с неизбежными отступлениями в сторону слогового метра турецкого, особенно в турецких словах. Первая газаль хана и 29 последующих газалей его спутников составлены 16-ти стонным هزج -ем, одним из любимейших метров турецких поэтов (на ряду с 11 и 14-тистопным هزج -ем, 11 и 15-тистопным رمل -ем).

Приведу для примера несколько сопроводительных مثنوی Ахмед-Табиба.

(f.9b). Пред газалью поэта с техаллусом عاجز :

که اصلی مکانی آنینک اورکنج اطاعت بيله جيکتی مُندلاق رقم	ایرور عاجز اول مفتی فقه سنج کوروب شه عنایتینی دمبدم
--	--

Перед газалью حقیر:

آنکا جمله علم معلوم ایرور بو اشعار اقتدارین کورینک	حقیریکه آخوند مخدوم ایرور اطاعت طریقیدا کارین کوروب
---	--

f.10a. Пред газалью

بولوب بیرو خسرو دین گُشا که باشندین ایاغی تنای اوغان	حبیبی داغی هر دم لیلاب دُعا دیدى بو غزل نی همول نکته دان
---	---

f.11a. Пред газалью редактора:

دیدى بو غزل نى طبیی نزار بولوب لشکر ایزیدا مثل غبار

Вторая газаль хана (f.13a) и последующие газали его спутников представляют, مناجات т.е. молитвенное бращение к Богу, и написаны 15-тистопным – رمل ем.

f.17b. Привожу مثنوی редактора пред газалью خاکی:

داغی خاکی شراب کوکنار کهی مست کهی اسیر خمار
بهر حال دیکوسی یخشی غزل بولوب بیرو خسرو جم مثل

Третья группа газелей «Собрание» (f.20a) посвящена восхвалению пророка (نعت) Четвертая серия газелей названа по редифу لاری غزل (f.27a). Последующие газали особых заглавий не имеют. Перепечатаваю для образца несколько газелей хивинского хана.

f.65a, №9; размер – 15-тистопный رمل

یارمینیک رخساری الیدا خجل دور آفتاب
وه که انینک عشقی اوتی قیلدی باغрім نى کباب
اول پر نوش کا دیدیم لعلینک میء دین باده توت
ناز ایلا دیرکه سنکا ینکایمو لعلیم دین شراب
یالباریب هر نجه لطف امید قیلسام یاردین
اول منکا سوکوب کولوب یوز ناز ایله ایلار عتاب
تا ایرور جانینک بدن دا استار جانان وصلی دین
یتسه هم ای دل سنکا یولیدا یوز رنج عذاب
من دیدیم یاریم غه لعلینک دین طا قیل بوسه
دیدى ای فیروز صبر ایت مونجه کورکوزمه شتاب

f.217b, №29; размер – 15-тистопный رمل

آفتاب آسا جمالینک کورکاچ اولدوم ای نکار بیقرار بیقرار بیقرار بیقرار

دلفکار دلفکار دلفکار دلفکار	تیغ عشق خنجر نازینکدین اولدیم صبح شام
آشکار آشکار آشکار آشکار	آه نالم ایلادی عشقینک نی آخر دهر ارا
بیشمار بیشمار بیشمار بیشمار	جور ظلمینک بولغوسی دور من حزین غه دمبدم
انتظار انتظار انتظار انتظار	آی کببی فرخ جمالینک کورکالی یولینکده کز
شہسوار شہسوار شہسوار شہسوار	ناز ایله سورسانک سمندینک سیکر ایتیپ یوق سن کبی
بختیار بختیار بختیار بختیار	وصلینکا یول تاپسه هرکیم بولغوسی فیروز دیک

f.240a, №32; размер – 11-тистонный ھزج

بولوب موسن منکا اسرو کرفتار	کولوب دیدی منکا اول یار غمخوار
نیتایکیم وصلینکا یول بیرماس اغیار	دیدیم کیم عاشق زارینک اری
منینک باغیریم بولور افکار افکار	سنگا اغیار همدم بولسه هر دم
بولوب من درد عشقینک دین بسی زار	بو حالیم نی کوروب قیلغیل ترخم
دیدیکیم نی غرض بو سوزدین ای یار	تبسم بیرله در ساچیب سوزیدین
دیددی بو نکته باردور اسرو دشوار	دیدیم لعلینک می دین بوسه احسان
دیددی فیروز بولغوم سنگا غمخوار	کوروب اولدمده بیحد اضطرابیم

Чтобы показать, как «сопутствуют» своему хану хивинские поэты, приведем для трех выше напечатанных газалей Фируза три соответствующих газали шинаси, Мирзы и Бияни. Газаль Бияни вослед ханской газали № 9:

f.66 b. Газаль Шинаси вослед ханской газали №9:

مهر رخسارینک کیلیب دور طرفه رشک افتاب
 دهر ارا کورکان ایل ایلار ذره یانکلیغ اضطراب
 پر نظاره ایلاکاج کلکون یوزینکغه ای پری
 عقل هوش ایلاب وداع مندین قیلورلار اجتناب
 بزم وصلینک محرمیدین ایلابان من زارنی
 لعل جان بخشینک زلالی بیرله قیلغیل کامیاب
 هر نیجه فریاد افغان ایلاسم ایرماس عجب
 بارها اغیار غه لطف منکا ایلاز عتاب
 ای شه خوبان شناسی وصلینک امیددی بیله
 کیچه کوندوز ناله ایلاب قیلدی باغیرینی کباب

f.219 b. Газаль Мирзы вослед ханской газали №29:

کلغذارُ کلغذارُ کلغذارُ	حسن اقلیمی ده سندیک یو قنور ای زیبا نکار
اشکبارُ اشکبارُ اشکبارُ	قیلیدی قدیم قاشلارینک خم کوز لاریم نرکس کوزینک
هیچ مدارُ هیچ مدارُ هیچ مدارُ	شدتی هجرینک نی تار تار من تنیمده قالمادی
دلفکارُ دلفکارُ دلفکارُ	هجری تیغی بیرله دور من وصلینک ایستاب آی یل
بیقرارُ بیقرارُ بیقرارُ	کل یوزینک ایستاب قیلور من ناله بلبل دیک بولوب
اشکارُ اشکارُ اشکارُ	اسرار ایردیم عشقینکی کونکولوم ده قیلیدی کور آنی
استوارُ استوارُ استوارُ	ایلابان کوب و عده میرزاغه وفاده بولمادینک

f.241b. Газаль Бияни вослед ханской газали №32:

دیدى حُسْنِیم کا دورسن مو خریدار	تیسّم بیرله اول خورشید رخسار
منینک جولانکهیم بولمیش بو بازار	دیدیم آری بو جان نینک نقدی بیرله
جمالیم یانیده جانغه نی مقدار	دیدى نقدینک بو ایرسه سهل ایرکان
من مفلس دا موندین اوزکا نی بار	دیدیم ای جان جمالینک نینک فداسی
بو آز نقدینک غه لایق مال طیار	دیدى مونداغ ایسه اوزکا دوکانده
آنی اوز مصرفیغه صرف ایت ای یار	دیدیم بیرکیل منکا حُسْنِینک زکاتین
بیانی دیک منکا یتکور دینک آزار	دیدى بو شوخلیق نینک ترکین ایت کیم

За последней газалью «Собрания» следует заключительное (مثنوی) редактора (f.819a), в котором воздается хвала Богу по случаю благополучного завершения издания, повторяется указание на то, что в собрание вошли не все поэты, а только писавшие «в сопутствие» хану⁵⁰, испрашиваются у Бога разные милости для хана и дается отчет в произведений автором работ, о благосклонном принятии которой ханом и публикой Ахмед-Табиб молит Бога. Редактор пишет (f.819a):

خاتمه مثنوی

⁵⁰ Укажу от себя, что в «Собрание» отсутствуют стихи наследника хивинского престола, Исфендиар-тура, имеющего поэтическое прозвище فرخ. Когда я ехал на пароходе обратно из Хивы в Чарджуй в обществе Исфандиар-тура и других хивинцев (см. мой отчет, стр.15 отд.отт), его сиятельство продиктовать для меня Шейх-Назар-баю одно свое стихотворение, которое затем было переписано мирзой набело, вместе со стихотворением Шинаси. Оба стихотворения – пәстишиши; первое написано на стихи Фузули, а второе – на стихи Неваи.

منكا لطف ايله امر قىلغان زمان	بو مجموعه جمعى نى شاه جهان
بولوب مثنوى فكرتى فكرتيم	اويوب ير انكا كوب بولوب رغبتيم
باريسين اوزوم جمع قىلديم تمام	قىليب بير يل كامله اهتمام
مُحَرَّم نينك اون توزى ايردى بيل	مينك اوچ يوز يكرمە داغى آى يل
بولوب مشتهر خاص ايله عام غه	كه بو ينى سرحد اتمامى غه

Принимал во внимание вышеприведенную дату начала издания (месяц Мухаррем 1324 года), искаженный переписчиком 23-ий стих надо читать, по-моему, так:

مينك اوچ يوز يكرمە داغى آلتى يل محرم آى نينك اون توزى ايردى بيل

«Был, знай, 1326 (1908) год и ровно десятое (число) месяца Мухаррема». Тогда окажется, что составление «Собрания» заняло два года и что срок, указанный в 22-ом стихе («один год полностью»), относится только к «месневи» редактора.

Описанная нами, может быть, уже одна из последних крупных средне азиатско-турецких антологий в «ложноклассическом» духе заканчивается, как и начинается, напыщенным обращением к Богу:

الهى ايلا سوزوم مرغوب خلق نه مرغوب بل يار محبوب خلق

Спб. Декабрь 1909 г.

А.Самойлович